ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Черноглазова Дмитрия Александровича на тему: «Трактат “Эпистолярные стили” Псевдо-Либания и его позднейшие версии: византийские письмовники и их практическое применение», представленную на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.14 – Классическая филология, византийская и новогреческая филология

Обсуждаемая диссертация подводит определенный итог многолетним трудам Д. А. Черноглазова в области византийской эпистолографии. Его исследования по теории византийского письма и эпистолярной практике благодаря многочисленным публикациям в отечественных и зарубежных изданиях хорошо известны византинистам. Потому и предоставление к защите текста диссертации было ожидаемым событием. К чести диссертанта, он не пошел по обычному пути соединения под одной шапкой разрозненных публикаций, а представил новое исследование, отличающееся внутренним единством и концептуальной стройностью.

Диссертация Д. А. Черноглазова посвящена византийской эпистолярной теории и ее эволюции на протяжении всего византийского тысячелетия и даже более – в османское время. Тема теории письма, казалось бы, не новая для византинистики, если вспомнить труды Х. Рабе, Х. Коскенниеми, Т. Треде, Г. Хунгера, но, как справедливо отмечает сам автор, крайне слабо разработанная, особенно в части бытования ранневизантийских письмовников в средне- и поздневизантийский период. Неизученной остается и проблема влияния византийской традиции на теорию письма в Западной Европе эпохи Ренессанса и Греции периода туркократии. Справедлив и другой тезис автора, подтверждающий актуальность представленной к защите работы – собственно византийская теория письма, в отличие от эпистолярной теории позднеантичного времени, до сих пор остается «белым пятном» в истории византийской литературы. Диссертация Д. А. Черноглазова как раз и восполняет этот пробел. Этим определяется и новаторство, и значимость

РК № 33-06-401 от 16.08.2021

рецензируемой работы для развития современных византиноведческих штудий.

Представленное к защите исследование удачно сочетает теоретический подход к осмыслению масштабной проблемы сохранения и освоения в византийскую эпоху классического наследия с глубоким и всесторонним анализом конкретных памятников, отражающих развитие норм эпистолярного общения. Дмитрий Александрович успешно вписывает скрупулезный филологический и лингвистический разбор избранных текстов в общий литературный процесс, выявляя приемы усвоения и пути переработки византийскими авторами позднеантичной эпистолярной традиции. Широкий хронологический охват диссертации позволяет ему показать изменения в теоретических построениях, усвоенных византийцами от предшественников, проследить эволюцию эпистолярного этикета, выявить трансформацию риторического обрамления исходных моделей за счет расширения арсенала лексических оборотов, формул и клише, отметить усложнение (или упрощение) типологии писем, обнаружить лексические параллели между образцами из ранних письмовников и византийскими письмами более позднего времени, а также охарактеризовать влияние изучаемого феномена на ренессансную литературную традицию. Благодаря избранному подходу византийская эпистолярная теория предстает не как нечто застывшее, консервативное, лишь воспроизводящее античные образцы, – перед нами динамичный, развивающийся и усложняющийся феномен.

В арсенале Д. А. Черноглазова есть весь необходимый для плодотворного анализа методологический инструментарий. Автор диссертации демонстрирует профессиональное владение приемами палеографического, текстологического, лингвистического, литературоведческого и исторического анализа, что позволило ему дать исчерпывающую характеристику рассматриваемых трактатов и определить их функции. Благодаря указанным подходам он смог выявить соотношение между изучаемыми письмовниками, реконструировать рукописную традицию, определить время составления

текстов и вписать их в исторический и литературный контекст эпохи. Избранные методы исследования представляются оптимальными и адекватными поставленным в работе задачам.

Диссертация структурирована по всем канонам жанра и включает введение, в котором определены цели, задачи, методы и дан историографический обзор, семь глав, заключение и приложения, где представлены критическое издание и перевод письмовника «Сорока типов писем», а также нескольких образцов эпистолярных типов. Позволю себе отойти от традиционной для отзыва схемы и не стану пересказывать основное содержание, сосредоточившись на сильных сторонах диссертации и наиболее ценных наблюдениях и выводах автора.

Нельзя не отметить основательную фундированность работы, которая опирается на широкий круг источников. Д. А. Черноглазов использовал не только с опубликованные, но, что особенно ценно, и с неопубликованные источники, хранящиеся в различных рукописных коллекциях библиотек и архивов. Автор диссертации задействовал значительный массив эпистолярных сочинений, как теоретических трактатов, так и «живых» писем византийских авторов. К исследованию привлечены послания наиболее значимых эпистологрaфов всего византийского тысячелетия для того, чтобы продемонстрировать востребованность эпистолярной нормы в реальной практике. Приведенный в библиографическом разделе список привлеченных источников отражает впечатляющий масштаб проделанной ученым работы.

Д. А. Черноглазов рассмотрел истоки формирования византийской теории письма и всестороннее изучил греческую традицию составления писем. Перед нами первое в византинистике исследование, демонстрирующее развитие византийской эпистолярной теории и эпистолярного этикета. Благодаря усилиям автора диссертации мы теперь хорошо представляем, как эволюционировала теоретическая мысль, в каком направлении она развивалась и какие изменения претерпевала. Диссертация представляет собой успешный опыт *комплексного* анализа византийского ars epistolandi.

Отмечу также концептуальное единство диссертационного исследования. Д. А. Черноглазов избрал для анализа несколько родственных трактатов: «Эпистолярные типы» Псевдо-Либания, «Македонский Псевдо-Либаний», «Сорок типов писем» и их позднейшие версии. Каждый трактат рассматривается по единой схеме: рукописная традиция, авторство, датировка, методы переработки источников, стиль, язык, функции. Данный подход помогает выделить особенности конкретного литературного памятника, соотнести их друг с другом, определить роль и место каждого из них в эволюции византийской эпистолярной нормы.

Автор диссертации убедительно доказал, что трактат «Эпистолярные типы» Псевдо-Либания, составленный, по его мнению, в конце IV – начале V в., стал отправной точкой для складывания обширной традиции византийских письмовников, существовавшей вплоть до начала XVII в. Этот вывод опровергает утвердившийся в историографии тезис о том, что изучаемый письмовник подвел черту под развитием античной эпистолярной теории, а после его составления уже не было создано ничего равноценного. Дмитрий Александрович доказал обратное – традиция, у истоков которой стоял данный трактат, никогда не прерывалась. Ученый выявил и охарактеризовал трактаты средне- и поздневизантийского времени, родственные PL1, что позволило доказать эволюцию восходящей к Псевдо-Либанию традиции, подкрепив свои наблюдения разбором всех редакций исходного текста и анализом рукописей, в которых они дошли.

Одним из наиболее значимых результатов проделанной работы является полное критическое издание анонимного письмовника XII–XIII вв. «Сорок типов писем», относящегося к традиции Псевдо-Либания. Выполненное на высоком профессиональном уровне, издание сопровождается необходимым критическим аппаратом и переводом на русский и английский языки. Автор, таким образом, вводит в научный оборот новый источник, что уже представляется чрезвычайно ценным. Кроме того, в диссертации представлена исчерпывающая характеристика данного трактата: редакции и рукописи,

стемма, источники заимствований, охарактеризованы стиль, язык и метаморфозы текста, определены функции, поставлена проблема авторства и датировки.

Исследование Д. А. Черноглазова наглядно иллюстрирует тезис о том, что византийские тексты были вещью весьма подвижной: их редактировали, перекомпоновывали, дополняли, сокращали, расширяли. Не теряя связи с архетипом, каждая редакция становилась новым, хотя и не самостоятельным текстом. Анализ принципов перестройки исходного текста позволил исследователю выявить технику работы переписчиков и компиляторов и оценить изменения в литературных вкусах и интеллектуальных запросах аудитории, для которой предназначался переработанный трактат. В рецензируемой работе автору удалось показать «вторую жизнь» изначального текста и исследовать каждую его версию как самостоятельный феномен.

Д. А. Черноглазов убедительно доказывает прикладное назначение рассматриваемых теоретических трактатов. Он отмечает, что они задумывались и использовались как практические пособия для овладения навыками составления писем и обучения основам риторической аргументации. Данное наблюдение основано на анализе схолий, сопровождавших многие рукописи. Подобный прием оказался весьма плодотворным – комментарии и пометы, оставленные на полях, помогают прояснить особенности использования письмовников и выявить специфику школьного обучения риторическому мастерству. Кроме того, автор диссертации учитывает и контекст каждой рукописи, в который помещен анализируемый теоретический трактат. Соседство с собраниями писем античных и византийских авторов, риторическими и философскими сочинениями, учебниками по грамматике, риторике и метрике также позволяет делать выводы о функциональном назначении письмовников. Д. А. Черноглазов следует актуальному для современных исследований подходу, согласно которому главной нарративной единицей в Средние века был не изолированный текст, а конкретная рукопись. Компоновка рукописи, в

которую попадал письмовник, не была произвольной, а потому при анализе отдельного трактата, дошедшего в составе рукописного кодекса, необходимо учитывать и его окружение, и интерполяции, и схолии.

Большое внимание в диссертации уделено анализу приемов стилистической переработки анализируемых трактатов. Д. А. Черноглазов констатирует, что исходные образцы эпистолярных типов подверглись риторической амплификации, осуществленной с помощью метафор, сравнений, эпитетов, пространных выражений, дополнительных аргументов, домысливания деталей эпистолярной ситуации. Это авторское наблюдение подкреплено большим количеством конкретных примеров, почерпнутых из рассматриваемых текстов. Большинство изученных письмовников демонстрирует расширительный вариант переработки источника заимствования. Взятые из позднеантичного трактата образцы писем разных типов подверглись и стилистической переработке за счет обильного использования изречений, цитат, пословиц. Автор отмечает и идеологическую правку, направленную на ослабление языческого и светского содержания посланий и усиление христианского духа, что особенно заметно в письмовнике Никодима Святогорца.

Особо отмечу наблюдение Д. А. Черноглазова о том, что письмовники не были лишь школьными учебниками, а приведенные в них типы писем и образцы их составления служили преимущественно пропедевтическим целям, позволявшими оттачивать навыки риторического мастерства. Он проводит, на мой взгляд, удачное сравнение теории с практикой, обнаруживая в эпистолярных корпусах византийских авторов зависимость от моделей, приведенных авторами теоретических трактатов. Так, в письмах одного из величайших эпистолографов XIV в. Димитрия Кидониса, которыми мне приходилось заниматься, можно уловить отблеск его «школьных» познаний в теории письма, хотя он, в отличие от Феодора Студита, Феодора Дафнопата, Иоанна Цеца и др., чьи примеры приведены в диссертации, никогда не маркировал эпистолярный тип своего послания. Однако содержание

некоторых его писем, используемые им речевые обороты и конструкции в полной мере соответствуют одному из типов, выделяемых в письмовниках, а некоторые фразы, используемые при составлении дружеских эпистол, могли быть заимствованы из готовых шаблонов, приведенных в практических пособиях. Заданные канонами жанра конструкции в реальной жизни получали риторическое обрамление, а усвоенная со школьной скамьи теория становилась фундаментом для создания изящных и литературно совершенных эпистолярных творений, отвечавшим интеллектуальным запросам и эстетическим вкусам адресатов. Воистину, «теория суха везде, но древо жизни пышно зеленеет».

Сильной стороной диссертации является разработка проблемы рецепции познеантичной эпистолярной теории в литературе западноевропейского Возрождения, слабо изученная в предшествующей историографии. Д. А. Черноглазов справедливо замечает, что об усвоении ренессансным Западом позднеантичной эпистолярной теории свидетельствуют издания греческих текстов, их переводы на латинский язык, составление собственных письмовников с заимствованиями из греческих трактатов. Основное внимание ученый уделил рассмотрению латинских переводов письмовника Псевдо-Либания и методов работы переводчиков, а также определению места греческого письмовника в ренессансной теории письма. Интересным представляется наблюдение ученого, отметившего адаптацию позднеантичного трактата под нужды образовательной системы Запада.

Завершая комплиментарную часть отзыва, отмечу, что основные положения и выводы диссертации представляются убедительно обоснованными, верифицируемыми данными источников, всесторонне раскрывающими объект исследования.

И все же позволю себе высказать несколько замечаний.

Д. А. Черноглазов предлагает делить письмовники на два типа: риторические и канцелярские (с.19), характеристике которых посвящены отдельные параграфы. Но он обходит молчанием классификацию самих

писем, ориентируясь на разработанную Псевдо-Либанием типологию. Остается не ясным, солидаризируется ли он с предложенным Г. Хунгером делением византийских эпистолярных посланий на официальные (amtliche Briefe), сугубо частные (reine Privatbriefe), литературные частные (literarische Privatbriefe) и литературные письма (literarische Briefe), к которым, в свою очередь, отнесены дидактические, посвятительные, подражательные и письма-клише (Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner, Bd. 1. S. 203–206)? Ведь для составления любого письма из классификации Г. Хунгера технически применимы (и по факту применялись) формулы и конструкции из образцов, приведенных в письмовниках.

Не вполне удачным представляется введенное автором условное название «Македонский Псевдо-Либаний» для версии трактата PL2 (гл. 3). Предложенный автором диссертации вариант названия может отчасти дезориентировать читателя, столкнувшегося с такой формулировкой. По мнению исследователя, такое название указывает на время возникновение этой версии (период Македонского ренессанса). Но определение «македонский» гораздо чаще используют в качестве топонима. Такое возможное двойное толкование делает предложенное название уязвимым.

Трактат «Сорок типов писем» Д. А. Черноглазов называет письмовником поздневизантийского времени (с. 150), что не совсем корректно, поскольку XII в. не относится к этому периоду византийской истории. Сам автор датирует составление архетипа концом XII в. – первой половиной XIII в. На мой взгляд, эту датировку можно подкрепить и аргументом места составления. Выскажу предположение, что архетип был составлен, скорее всего, в столичной среде, что может свидетельствовать о появлении письмовника до 1204 г.

В библиографическом списке отсутствуют ряд работ, которые касаются обсуждаемых тем, в частности, некоторые работы М. Грюнбарта (*Grünbart M.* Formen der Anrede im byzantinischen Brief vom 6. bis zum 12. Jahrhundert. Wien, 2005; *Idem.* From Letter to Literature: A Byzantine Story of Transformation // Medieval Letters:

Between Fiction and Document / Ed. Ch. Høgel, E. Bartoli. Brepols, 2015. P. 291-306), М. Маллет (*Mullett M.* The Classical Tradition in the Byzantine Letter // Byzantium and the Classical Tradition. 1979. P. 75-93; *Eadem.* Epistolography // The Oxford Handbook of Byzantine Studies. 2008. P. 882-893), С. Папаиоанну (*Papaioannou S.* Letter-Writing // The byzantine World / Ed. P. Stephenson. Routledge, 2010. P. 188-199), а также работы Петера Хатли (*Hatlie P.* Redeeming Byzantine Epistolography // BMGS. 1996. Vol. 20. P. 213-248), И. Сикутриса (*Sykutris I.* Epistolographie / Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft / hrsg. G. Wisowa, W. Kroll. Stuttgart, 1931. Vol. Suppl. V. S. 186-220; *Idem.* Probleme der byzantinischen Epistolographie / Actes du IIIe Congrès International des Études Byzantines. Athens, 1932. S. 295-310). Возможно автор, который, как мне представляется, знаком с этими работами, просто не посчитал нужным их упомянуть, но для полноты историографического обзора их следовало бы привести.

К сожалению, автор не посчитал нужным дать в разделе «Библиография» список рукописей, с которыми он работал. Перечисление неопубликованных источников не только украсило бы диссертацию, но и подчеркнуло бы масштаб проделанной работы.

Высказанные немногочисленные замечания, разумеются, нисколько не умаляют высокой оценки проделанной Д. А. Черноглазовым работы. Представленные в диссертации результаты исследований апробированы в выступлениях на крупнейших международных форумах и многочисленных публикациях в ведущих отечественных и зарубежных научных изданиях. Хочется пожелать скорейшей публикации работы в виде монографии, что, вероятно, Дмитрий Александрович и планирует сделать. Не вызывает сомнения и перспектива практического применения полученных результатов. Материалы диссертации могут стать стимулом для дальнейшей разработки широкого круга проблем теории и истории византийской эпистолографии, а также будут востребованы в лекционных курсах по истории византийской литературы и на занятиях по древнегреческому языку.

В целом, диссертация Д. А. Черноглазова является исследованием, в котором решена важная научная проблема, работа выполнена на высоком научном уровне, полученные результаты отличаются новизной и оригинальностью, свидетельствуют о значительном личном вкладе автора в науку, а выносимые на защиту положения можно признать доказанными.

Диссертация Черноглазова Дмитрия Александровича на тему: «Трактат “Эпистолярные стили” Псевдо-Либания и его позднейшие версии: византийские письмовники и их практическое применение» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 01.09.2016 № 6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Черноглазов Дмитрий Александрович заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.14 – Классическая филология, византийская и новогреческая филология. Пункты 9 и 11 указанного Порядка диссертантом не нарушен.

Член диссертационного совета
доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой
истории Древнего мира и Средних веков
Уральского федерального университета имени
первого Президента РФ Б. Н. Ельцина Т. В. Кущ

28.07.2021

Подпись Т.В. Кущ
Заверяю: вед. документовед
С.В. Шурева